

сто отводится исследованию функций обрядовой песни, ее поэтической и эмоционально-психологической стороне; уделяется внимание и проблеме классификации свадебных песен. В свадебной лирике А. М. Новикова выделяет три группы песен, различающихся содержанием, жанровыми особенностями, а также приуроченностью к определенному моменту свадебного обряда. Это песни сговора, девичника и дня свадьбы. Последние она подразделяет на прощальные, корильные и величальные — песни свадебного пира.

В соответствии с этой классификацией расположен и материал сборника. Он как бы повторяет композицию обряда, что способствует его цельному восприятию.

К сожалению, качество текстов неравноценно. Наряду с высокопоэтическими, художественно полными произведениями, здесь широко представлены тексты с утраченными концовками, что свидетельствует об угасании традиции.

Особую ценность сборнику придают научные комментарии к каждому сюжету. В них, как и в комментариях к ранее изданному А. М. Новиковой сборнику «Русские народные песни» (М., 1957), дается краткая история каждого сюжета, которая прослеживается по всем основным публикациям песен. Отмечаются наиболее характерные варианты изменения; явления межжанровых миграций сюжета и пр. Целенаправленно ведется сопоставление с более ранними записями свадебных песен, сделанными на территории Тульской области, например с записями П. В. Киреевского (№№ 84, 91, 92, 121, 132 и др.). Это позволяет выделить наиболее устойчивые песни тульской традиции, отметить их своеобразие и эволюцию.

В комментариях даются разъяснения и этнографического характера. Так, в некоторых районах Тульской области на девичнике существовал обычай наряженную «елку» подвешивать к потолку над столом. Отсюда и родился тульский вариант («Над столом-то висит елушка») одной из известных песен девичника.

Сборник выполнен на высоком научном уровне. Однако это не мешает ему оставаться доступным для самого широкого круга читателей. На это в некоторой степени ориентирован и научный аппарат книги. В нем выделяются наиболее ценные тексты, дается расшифровка символической образности песен, описываются отдельные свадебные ритуалы (например, разувание мужа молодой женой, изображенное в песне «Светел месяц усходил»). Наконец, имеются сведения и общекультурного характера, связанные с биографиями и произведениями русских писателей. Выдержан фольклорный стиль в художественном оформлении книги.

Сборник «Свадебные песни Тульской области» можно признать образцовым изданием, в полной мере соответствующим современному уровню науки. Появление подобных сборников имеет большое значение для сохранения национальных традиций.

Т. В. Зуева

В. И. Игнатов. История и народная поэзия села Плодовитого Малодербетовского района Калмыцкой АССР. Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 302 с.

В последние годы все больше говорят и пишут о необходимости комплексного изучения народного художественного творчества. Появились соответствующие теоретические работы, методики и программы¹. Однако на практике изложенные в них рекомендации реализуются еще редко и робко. Поэтому заслуживает внимания всякая попытка приблизиться к идеалу, нарушить, например, ставшие каноническими принципы публикации фольклорного материала.

Сборник В. И. Игнатова «История и народная поэзия села Плодовитого Малодербетовского района Калмыцкой АССР» не претендует на подачу фольклорных явлений в их полифункциональном значении. В нем нет нот к песенным текстам, автор не ищет языка для выражения пластического и кинетического рисунка воспроизводимых им хороводов, свадебной игры и т. п. Исходя из представившихся ему возможностей, В. И. Игнатов ставит перед собой задачу, показать народную поэзию села Плодовитого как живую и органичную часть его истории, быта, духовной культуры. Известно, что «народно-поэтические жанры и произведения функционируют и обнаруживают истинный свой смысл, свое значение, содержание в составе обрядов, трудовых процессов, различных бытовых ситуаций и т. д.»². Именно в таком контексте и публикует автор рассматриваемой работы народные песни, частушки, игровой фольклор.

Очень важно, что В. И. Игнатов исследует фольклор своего родного села. Здесь он родился, вырос, сюда приезжает к родственникам ежегодно в течение 30 лет. Это дает ему возможность записывать произведения народного творчества в их естественном бытовании, чего не может добиться ни одна экспедиция, как бы научно и технически она ни была оснащена. А естественное состояние фольклорного произведения только и может дать материал для его комплексного изучения. Описание свадебной игры, занимающее чуть ли не половину содержания книги, В. И. Игнатов сделал так полно и тонко только потому, что увидел ее как бы изнутри, будучи сам участником обряда.

¹ См.: Программа для комплексных фольклорных экспедиций/Отв. ред. Гусев В. Е. М.: Наука, 1971; В. Е. Гусев. Методика комплексного изучения фольклора.— В кн.: Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М., 1973, с. 7—16, и др.

² Путилов Б. Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора.— В кн.: Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1977, с. 3.

Кроме того, автор хорошо знает «фольклороносителей», многие из них его родственники; он знает репертуар каждого, знает манеру исполнения, может проследить за изменением всего этого в живом бытовании в течение трех-четырех десятилетий. Сравнивая фольклорный репертуар села 1930-х и 1960-х годов, автор, на основании личных наблюдений, отмечает не только количественные изменения в нем, но и качественные. Записывая фольклор в родной, кровной среде, исследователь раскрывает в песне содержание, не доступное любому другому собирателю.

Известно, что, не изменяя в традиционном тексте ни слова, исполнитель может придать песне совершенно новый смысл, и понять это способен только собиратель, хорошо знающий жизнь певца, его характер, его состояние в момент исполнения. Вот такое примечание мы находим к песне под № 51. Это известная шуточная песня «Уж вставала я ранёхонько». Но для исполнительницы М. Н. Игнатовой «Песня имеет особое значение — в ней отражена вся ее многотрудная жизнь. Каждое слово песни вызывает у Марии Николаевны гамму сложных переживаний и грустных воспоминаний. Исполняет же Мария Николаевна песню с азартом шутника, подтанцовыванием, похлопыванием в ладоши, показывая полную беззаботность, восторженное, радостное состояние духа, удовлетворение жизнью» (с. 68). У песни рождается будто бы новый план, и уловить это — мечта фольклориста, стремящегося постичь не букву, а самый дух народной поэзии.

Книга посвящена духовной культуре отдельного поселения. Она начинается с подробнейшего исторического очерка о родном крае. История села — это основа его поэзии. Необычайная округленность, с какой В. И. Игнатов выясняет мельчайшие подробности о первых жителях села, его родоначальниках, об их детях, внуках и ныне живущих потомках, дает возможность познакомиться с истоками местных народных художественных традиций, шаг за шагом проследить их «модификацию», т. е. процесс приспособления к новым социальным, бытовым, ландшафтным условиям, приведшим в конце концов к формированию традиции чисто «плодовитовской».

Более чем вековая история села отражена в различных жанрах фольклора, живо откликнувшегося на события, происходившие как непосредственно в жизни села, так и за его пределами. В устной поэзии население выражало свою оценку происходящих событий. «По содержанию произведений фольклора, — пишет В. И. Игнатов, — мы можем судить о тех мыслях, чаяниях и ожиданиях, которые волновали жителей села. Это — поэтическая летопись их жизни» (с. 64).

Фольклор в с. Плодовитом имеет свои традиции, обусловленные своеобразием возникновения и последующей историей села.

Фольклорно-этнографический принцип публикации материала позволяет автору более явно выявить местное — «областное» начало в песнях, обрядах, частушках, детских играх и т. д. с. Плодовитого. Интересно, например, что в селе не бытует термин «частушка» в применении к местным припевкам. Вместо него используют термин «балаша», когда речь идет о частушках, исполняемых мужчинами и мальчиками, или «страдания», если имеются в виду припевки — принадлежность женского репертуара (с. 69). Автор не ограничивается констатацией этого факта. Он дает словесную зарисовку исполнения припевов того и другого типа. «Под перебор гармошки (мотив страданий, естественно, отличается от мотива балаша) запевала речитативом проговаривает первые две строчки частушки. Иногда для особого смыслового ударения и разухабистого шика кто-либо из певцов или сам запевала успевает повторить с ударением первую строчку... Под распев гармошки эти же две строчки пропеваются хором... Страдания исполняются скромнее: девушки становятся около гармониста, образуя полукруг и, притоптывая, иногда приплясывая, самозабвенно отдаются пению» (с. 69).

Метод словесного фиксирования фольклора оказался наиболее результативным в описании свадебной игры. И опять дело не только в том, что благодаря этому методу мы узнаем множество чисто местных свадебных реалий (например, во время свадебного пира в доме невесты перед ней лежит каравай хлеба, «утыканный цветами» (с. 166), которые называются «каракос»; свадебная машина приезжает за невестой не по дороге, «а с горы», т. е. с чистого поля (с. 169) и т. д.); дело в том, что в результате такого описания проявляются локальные особенности всего свадебного действа.

Книга пронизана оптимистической мыслью автора о том, что народная поэзия в Плодовитом не угасает. Оптимизм его основан на том, что в 60—70-е годы он записывал фольклор от женщин, которые в 40-е годы, будучи молодыми, иронически относились к песням родителей и даже представить не могли, что со временем запоют их сами.

Следует отметить, что научный аппарат в книге В. И. Игнатова полон и точен. Проведена большая работа по выявлению вариантов публикуемых текстов, дается множество сведений исторического, этнографического, лингвистического и текстологического порядка. Скромное издание в неброской обложке (это, конечно, достойно сожаления) прочно займет свое место среди лучших публикаций русского фольклора.

А. И. Лазарев